

*В.Казаков,
кандидат социологических наук*

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ: КОНЦЕПЦИЯ “КОНЦА ИСТОРИИ” ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ

Качественные изменения, которые стали происходить в мире в конце 80-х годов XX в., характеризующиеся Фукуямой как “нечто фундаментальное”, поставили перед наукой и политической практикой ряд проблем. Окончание “холодной войны”, поражение в ней Советского Союза, утверждение США в качестве единственной сверхдержавы в мире создали новую глобальную геополитическую ситуацию, вследствие которой возник вопрос о новом мировом порядке, его структуризации, механизмах управления и глобальных институтах, его реализующих, а также вопрос о новом социальном конфликте, его содержании и субъектах. Одним из первых на него попытался ответить Френсис Фукуяма в своей статье “Конец истории?” [1].

Внимание к ней обусловлено и рядом других обстоятельств. Во-первых, она была представлена публике летом 1989 г., в тот момент, когда еще существовал Советский Союз. И просто невероятными выглядели даже абстрактные предположения о возможности краха СССР, изменениях социально-экономической и политической систем в странах так называемого восточного блока. Однако Фукуяма писал, по существу, именно об этом, и с этой точки зрения его статья представляла собой некий теоретический прогноз ближайшего и несколько отдаленного будущего. В ней фиксируются принципы, сущность, содержание, особенности формирующегося нового миропорядка. Во-вторых, в силу последнего статья Фукуямы стала сенсацией, она привлекла к себе широкое внимание, была переведена на многие языки, вызвала значительную критику.

Можно сказать, что по своей роли, значимости она сопоставима с такой же принципиальной статьей “Столкновение цивилизаций?” С.Хантингтона. В-третьих, концепция Фукуямы претендует на объяснение хода, итогов и перспектив протекания мировой истории, особенно недавнего прошлого и ближайшего будущего. В ее рамках рассматривается развитие либерализма (консерватизма, неолиберализма) как единственной “жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение” [1, с. 148], на базе которой возникает универсальная западная либеральная демократия как окончательная форма правления.

Всю концепцию Фукуямы, пожалуй, можно коротко выразить в двух его основных тезисах. Первый: “То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления” [1, с. 134–135]. Второй: “Триумф Запада, западной *идеи* очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив” [1, с. 134].

Но в чем, собственно, состоит “конец истории”? Во-первых, это наличие в обществе некоего сознания, благоприятствующего либерализму, а также самого либерализма как универсальной идеологии, теоретическая истинность положений которого абсолютна, а их улучшение или совершенствование невозможно. Во-вторых, “конец истории” – это широкое распространение в настоящий момент западной потребительской культуры и западной культуры в целом. В-третьих, этот процесс является частью неоспоримой победы экономического либерализма вообще и ведет к ней как составной части “конца истории”. В-четвертых, победа экономического либерализма

обуславливает и победу либерализма политического: “Политический либерализм идет вслед за либерализмом экономическим – медленнее, чем многие надеялись, однако, по-видимому, *неотвратимо* (курс. мой. – В.К.)” [1, с. 141]. В-пятых, “конец истории” – это победа капитализма. Э.Гидденс, раскрывая сущность идей Фукуямы, пишет: “Фукуяма утверждает, что идеологические битвы прошлых времен окончены. Конец истории – это конец альтернатив... Капитализм победил в своей долгой битве с социализмом” [2, с. 377]. В-шестых, “конец истории” означает перестройку всей системы международных отношений. В-седьмых, “конец истории” – это триумф Запада. Фукуяма рассматривает Запад как некую единую целостность. Он не видит между его странами каких-либо существенных различий, идеологических, политических и даже социокультурных, а главное – не видит различий экономических интересов, существующей между ними экономической конкуренции, экономической борьбы, экономического конфликта. Если же видит, то не придает им значимости, возможно, считая их второстепенными, временными, случайными. В-восьмых, наступивший конец истории делит современный мир на две части. Одна из них будет принадлежать истории, другая – пост-истории, они будут иметь совершенно разные социальные качества, характеристики и особенности. Собственно, и всю эволюцию человечества можно также разделить на два временных периода: собственно историю и постисторию.

История. Основное внимание Фукуяма уделяет XX веку, в течение которого либерализму как идеологии и как политическому движению пришлось последовательно бороться сначала с остатками абсолютизма, затем с большевизмом, потом с фашизмом и, “наконец, с новейшим марксизмом, грозившим втянуть нас в апокалипсис ядерной войны” [1, с. 134]. Однако главных вызовов либерализ-

му, воплощенных в “значимых социальных и политических силах и движениях” [1, с. 139], являющихся частью мировой истории, было два – фашизм и коммунизм.

Фашизм исходил из того, что противоречия либерализма, политическая слабость Запада, его моральное разложение не могли быть устранены в его рамках. Для этого необходимо сильное государство и “новый человек”, “опирающийся на идею национальной исключительности” [1, с. 139]. Но фашизм был сокрушен мировой войной. Это было не просто материальное поражение, но и поражение идеи. Более того, “экспансионистский ультранационализм, обещающий бесконечные конфликты и в конечном итоге военную катастрофу, лишился всякой привлекательности... эта идеология погибла не только материально, но и на уровне сознания” [1, с. 140].

Более серьезным вызовом либерализму был коммунизм как вторая великая альтернатива. С точки зрения марксизма, либеральному обществу присуще неразрешимое фундаментальное противоречие между трудом и капиталом. Однако Фукуяма утверждает: “Классовый вопрос успешно решен Западом... Современный американский эгалитаризм и представляет собой то бесклассовое общество, которое провидел Маркс. Это не означает, что в Соединенных Штатах нет богатых и бедных или что разрыв между ними в последние годы не увеличился. Однако корни экономического неравенства – не в правовой и социальной структуре нашего общества, которое остается фундаментально эгалитарным и умеренно перераспределительным; дело скорее в культурных и социальных характеристиках составляющих его групп, доставшихся по наследству от прошлого” [1, с. 140]. То есть уже в период истории классовый вопрос отошел на второй план, потерял свою актуальность, значимость и привлекательность.

Постистория. В этот период в некоторых странах останутся отдельные правоверные марксисты, но ни у одного крупного государства как целостного социального инсти-

тута эта идеология не останется на вооружении, она потерпела крах.

В период постистории нет никакой необходимости, чтобы все общества и государства были либеральными, достаточно, “чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития” [1, с.144].

Это будет период деидеологизированного мира. Поэтому актуализируются “неореалистические” теории, в которых утверждается, что идеологии были лишь прикрытием для великодержавных интересов тех или иных государств и что именно последние служат причиной достаточно высокого уровня соперничества и конфликтов между нациями. Кроме того, в период постистории “соперничество и конфликты продолжатся в том виде, как это было” в XX в. [1, с. 146].

Уже после поражения фашистской Германии законность каких-либо территориальных захватов была дискредитирована, а модель великодержавного поведения, характерная для XIX века, стала настоящим анахронизмом. “Международная жизнь в той части мира, которая достигла конца истории, в гораздо большей степени занята экономикой, а не политикой или военной стратегией” [1, с. 146], – считал Фукуяма. Если же всерьез исходить из неореалистических теорий, утверждал он, то есть из “естественного” в духе соперничества поведения стран Запада, то следует предположить, что Германия и Франция, оглядываясь друг на друга, будут вооружаться, как это они делали в тридцатые годы XX в. Собственно, и “предположение, что Россия, отказавшись от экспансионистской коммунистической идеологии, начнет опять с того, на чем остановилась перед большевистской революцией, просто курьезно” [1, с. 147].

Исчезновение марксизма-ленинизма в Китае и Советском Союзе будет означать крах его как жизнеспособной идеологии, имеющей всемирно-историческое значение, потерю

им своей претензии на авангардную роль в истории. Вследствие чего будет происходить расширение “общего рынка” (политического) в международных отношениях, в мировой политике и в мире в целом, а это “снизит вероятность серьезного межгосударственного конфликта” [1, с. 148].

Вместе с тем международные конфликты не исчезнут вообще. Постисторический мир будет разделен на две части (истории и постистории) и конфликты в нем будут вполне возможны. Возможен будет конфликт: а) между историческими государствами; б) между историческими и постисторическими странами. Эти конфликты могут происходить на этнической или националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире, в них сохранится высокий уровень насилия, который может даже возрасти. Конфликты этих типов (“а” и “б”) могут происходить, например, в форме терроризма или национально-освободительных войн; в) возможны и конфликты между постисторическими государствами на основе их ностальгии по истории в форме “несерьезного” конфликта, а также соперничество (конфликт) между ними по поводу решения “приземленных экономических и технических проблем” [цит. по 3, с. 30]. Но не возможны “серьезные конфликты” между государствами, находящимися в рамках постистории, “для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся *в рамках истории*; а они-то как раз и уходят с исторической сцены” [1, с. 148].

Концепция “конца истории” Фукуямы была подвергнута серьезной и широкой критике на Западе. Хантингтон, например, отнес ее к группе концепций, обозначенной им как парадигма “гармоничного мира”. Раскрывая ее сущность, он писал: “Одна широко озвученная парадигма была основана на предпосылке, что конец “холодной войны” означал конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармо-

ничного мира. Наиболее широко обсуждаемая формулировка этой модели – тезис о “конце истории”, выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой» [3, с. 30]. С точки зрения Хантингтона, эта парадигма представляет собой не что иное, как “предвкушение эйфории”, породившей иллюзию гармонии, которая вскоре развеялась. С одной стороны, в мире стали происходить многочисленные кровавые этнические конфликты (“этнические чистки”) и “за пять лет после падения Берлинской стены слово “геноцид” слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет “холодной войны” [4, с. 32]. С другой стороны и США, и ООН оказались неспособны подавить или хотя бы локализовать эти кровавые региональные конфликты. Кроме того, в мире происходит возрождение некоммунистических и нефашистских движений, интенсификация религиозного фундаментализма, завершается период “дипломатии улыбок” и “политики “да” со стороны России в ее отношениях с Западом. Поэтому, делает вывод Хантингтон, “парадигма гармоничного мира слишком оторвана от реальности, чтобы быть полезным ориентиром в мире после “холодной войны” [3, с. 32]. Данное заключение относится и к концепции Фукуямы.

Валлерстайн, в свою очередь, утверждает: “Разрушение Берлинской стены и последующий развал СССР были с радостью встречены как падение коммунистических режимов и крах марксизма-ленинизма – одной из идеологических сил современного мира. Очевидно, так оно и есть. Эти события также отмечались как окончательная победа идеологии либерализма. Такое утверждение означает совершенно неверное восприятие действительности. Со всем наоборот, именно эти события *еще в большей степени* свидетельствовали о крахе либерализма и решительном вступлении мира в эпоху “после либерализма” [4, с. 5]. Точка зрения Валлерстайна интересна и важна тем, что она совершенно противоположна взгляду Фукуямы относительно перспектив существования, функционирования

и роли либерализма в настоящее время. Кроме того, сравнивая их подходы к оценке либерализма, можно предположить или вообще сделать вывод о том, что они пишут о разных либерализмах, что они понимают под либерализмом совершенно разные идеолого-теоретические конструкции.

Приведенные точки зрения и оценки концепции Фукуямы помогают понять ее содержание, дают представление о том, как она воспринималась на Западе, вскрывают ее слабые места и недостатки.

Следует также отметить, что в Советском Союзе статья Фукуямы была подвергнута сразу же после ее опубликования весьма существенной критике. Так, Ю.Замошкин в своей статье “Конец истории”: идеологизм и реализм” (1990) подмечал: “Настойчивое использование Ф.Фукуямой термина “либерализм”, как я полагаю, нуждается в расшифровке и конкретизации” [5, с. 149]. Необходимо изложение содержания того, что реально стоит или скрывается за этим термином, того, что понимается под ним автором. Либерализм, по Замошкину, претерпел с момента своего возникновения определенную эволюцию, он качественно изменился. Эта эволюция либерализма, качественное изменение ряда основных идей расколола его на “старый” и “новый” либерализм, а также породила множество промежуточных форм. “Старый” либерализм, базирующийся на своих традиционных идеях, идеалах и принципах, то есть классический либерализм XVIII века в настоящее время все чаще обозначает себя как консерватизм или неолиберализм.

Данная ситуация, определенная путаница между терминами, их наложение и совмещение, породила все более утверждающееся мнение, “согласно которому богатство и разнообразие современной мысли уже не может быть адекватно выражено ранее укоренившимися терминами: “либерализм”, “социал-демократизм”, “социализм”, “кон-

серватизм”, “христианская демократия” и т.п. К сожалению, этому совсем не случайному обстоятельству Фукуяма не придает должного значения и речь ведет лишь о либерализме” [5, с. 151].

С данной мыслью Замошкина вряд ли можно согласиться, так как у Фукуямы речь идет о старом либерализме (консерватизме, неолиберализме). То есть в целом можно сказать, что для концепции Фукуямы характерно отрицание им регулирующей роли государства в экономике, включая финансовую сферу, а также отрицание социальных функций общества и государства по защите прав и интересов групп населения, находящихся в наиболее трудном положении. В более широком плане в концепции Фукуямы вообще отрицается социальная функция государства, то есть необходимость его деятельности в сферах образования, медицины, градостроительства, экологии и т.д.

Необходимо, вероятно, еще раз подчеркнуть, что под либерализмом Фукуяма скорее понимал современный неолиберализм или консерватизм и пишет именно о нем, а сам он занимал позиции неолиберала или консерватора.

Отмеченная Хантингтоном эйфория и иллюзорность концепции Фукуямы проявилась не только в оценке им значимости и роли либерализма (консерватизма), но и в его подходе к решению других проблем, в частности, к определению им роли в современном мире Запада. С его точки зрения, период завершения истории и начала постистории представляет собой некую единую однородную целостность, состоящую из совокупности государств с универсальной западной либеральной демократией как окончательной формой правления в политической сфере.

Фукуяма и критикует “неореалистическую” теорию именно за то, что она ставит под сомнение единство Запада, исходит из того, что у западных стран могут быть и есть конкурирующие интересы, что их “естественное” по-

ведение, особенно в сфере экономики, выстраивается в духе соперничества (конфликта), а не сотрудничества. Даже если Фукуяма и отмечал некоторые различия меж Соединенными Штатами и Западной Европой, то считал их второстепенными. Он недооценивает то обстоятельство, что единство Запада в период истории (“холодной войны”), в первую очередь политическое, было обусловлено совместным противостоянием стран североатлантического мира “восточному блоку”. Но и это “единство” было относительно, так как страны Европы по отношению к США выступали не как равноправные партнеры, а как младшие по своей значимости союзники, если не вообще сателлиты. В сфере же экономики, конкуренции в условиях рынка и различия материальных интересов говорить о единстве и целостности Запада вообще проблематично. Подход Фукуямы к глобальной международной обстановке в мире представлял собой преувеличенную оценку (эйфорию и иллюзию) единства Запада, его роли в мире в целом и роли США как мирового гегемона.

Однако наиболее существенным недостатком концепции Фукуямы была ее методологическая база. Он, по существу, исходил из уже устаревшей в то время так называемой прогрессистской парадигмы. Наиболее ярко это проявляется в его утверждениях об *отсутствии альтернатив* либерализму, общечеловеческому государству, западной либеральной демократии, о самом “конце истории”, вследствие чего отсутствует и какой-либо выбор у социального субъекта, а также в утверждениях о *универсализации* демократии как окончательной формы правления, о *неотвратимости* победы политического либерализма и т. д.

Фукуяма признает, что идея о конце истории не является оригинальной, что она уже присутствовала в работах Гегеля и является одной из основ историцизма последнего, согласно которому история управляется особыми историческими или эволюционными законами, а открытие их

дает возможность пророчествовать о predetermined человеку судьбе. Историзм, в свою очередь, является одной из основ прогрессивной парадигмы, для которой характерны панрационализм, универсализм, линейность, одномерность, последовательность, направленность изменений, predeterminedность, жесткий детерминизм и ряд других черт.

В заключение следует отметить, что значимость и актуальность для настоящего времени статьи Фукуямы обусловлена тем, что ее содержание дает понять основы и причины раскола Запада (например, односторонность принятия решений Соединенными Штатами), причины начавшейся борьбы между либерализмом и консерватизмом (неолиберализмом), политическая и экономическая реализация идей которого обусловила возникновение настоящего (в наши дни) глобального экономического и в первую очередь финансового кризиса (например, свободный нерегулируемый поток неконтролируемого капитала), особенностей преломления общего мирового кризиса в Украине (в частности, влияния западной культуры потребления, реализуемого населением посредством неумного кредитования).

Сегодня Фукуяма резко критикует основные положения неолиберализма (в том числе и ряд идей, изложенных им самим в рассмотренной выше концепции), а также попытки их реализации в международной политике.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
2. Гидденс Э. Социология. – М., 2005.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
4. Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003.
5. Замошкин Ю.А. «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 148–155.